

К вопросу о развитии русско-казахской аульной школы в областях Степного края (середина XIX — начало XX в.)

Ю. А. Лысенко, А. С. Жанбосинова, Ж. О. Омурова

Аннотация. В 90-е гг. XIX в. региональные власти Степного края инициировали процесс создания нового типа образовательного учреждения для казахских детей — аульной школы грамоты. Аульная школа была призвана уменьшить объемы государственного финансирования начального школьного образования, сделать его более доступным для казахского общества и сократить влияние традиционной степной мусульманской школы. В статье на основе архивных источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, реконструируется процесс создания аульных школ в областях Степного края, выявляются причины их низкой популярности среди казахского населения. Отмечается, что в первом десятилетии XX в. власти были вынуждены отказаться от практики открытия аульных школ.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, русско-казахские аульные школы, ислам, мектебы.

Abstract. In the 90s of the XIX century in the Steppe region, the regional authorities initiated the process of creating a new type of educational institution for Kazakh children — aul school. The aul school was designed to reduce the amount of state funding for primary school education, make it more accessible to the Kazakh society, and reduce the influence of the traditional Muslim school in the steppe. The article reconstructs the process of creating aul schools in the regions of the Steppe Region on the basis of archival sources, a large number of which is introduced into scientific circulation for the first time, and reveals the reasons for their low popularity among the Kazakh population. It is noted that in the first decade of the twentieth century, the authorities were forced to abandon the practice of opening aul schools.

Key words: Russian Empire, Russian-Kazakh aul schools, Islam, mektebs.

В 60-х гг. XIX в. Россия приступила к реализации серии реформ, направленных на интеграцию традиционного казахского общества в социокультурное имперское пространство. Важным аспектом данной политики стало формирование системы начального школьного образования, которая, по мнению правительства, должна была также выступить альтернативой мусульманской школы и способствовать снижению социальной роли ислама в казахской Степи. Как отмечают исследователи, относительно массовое открытие начальных школ в Степном крае происходило в 70—80-е гг. XIX в. на основе утвержденных в 1870 г. «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Правила определяли нормы, процедуры, принципы открытия школ для нерус-

ских народов, методику обучения в них русскому языку и, в зависимости от уровня владения русским языком местного населения, их типы ¹.

В Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях в ситуации, когда «дети инородцев, весьма мало обрусели и почти не знали русского языка», получил распространение тип правительственной русско-киргизской школы (далее русско-казахские школы), обучение в которой велось на родном языке. В процессе обучения поэтапно вводились курсы русского языка и русской письменности и совершался переход к полной замене казахского языка русским ².

Русско-казахские школы, как правило, создавались в областных и уездных административных центрах. В условиях, когда большая часть казахского населения вела традиционный образ жизни и занималась кочевым и полукочевым скотоводством, было принято решение об организации при русско-казахских школах интернатов. В них казахские дети проживали в период обучения и находились на полном государственном обеспечении. Образовательная программа допускала замену курса «Закон Божий» и церковного пения на курс «Основы мусульманского вероучения» ³. К началу 80-х гг. XIX в. 10 русско-казахских школ функционировало в Уральской области, 24 школы — в Тургайской области, 6 — в уездных городах Семипалатинской области и 4 школы — в Акмолинской области ⁴. На рубеже 80—90-х гг. XIX в. региональные органы государственной власти возбудили вопрос об учреждении в казахской степи нового типа начальной формы образования — аульной школы.

Значение создания системы правительственных школ в областях Степного края оценивается исследователями по-разному. Так, большинство российских и некоторые зарубежные ученые рассматривают российское школьное образование как механизм интеграции казахского населения в социокультурное имперское пространство. При этом предусмотренное программой обязательное изучение русского языка и русской письменности выступало, по их мнению, дополнительным ресурсом данной интеграции ⁵. Ряд зарубежных исследователей оценивают российскую образовательную систему как наступление на мусульманскую школу и характеризуют ее как составную часть политики русификации,

Лысенко Юлия Александровна — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета. E-mail: iulia_199674@mail.ru; *Жанбосинова Альбина Советовна* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ел тарихы», профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. Нур-Султан. Казахстан. E-mail: sovetuk@rambler.ru; *Омурова Жамийкат Орозобековна* — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения и кыргызоведения Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына. Бишкек. E-mail: temir2006@mail.ru.

Lysenko Julia A. — doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of Oriental studies. Altai State University. E-mail: iulia_199674@mail.ru; *Zhanbosinova Albina S.* — doctor of historical sciences, chief researcher of the research center “El Tarikhy”, professor, L.N. Gumilyov. Eurasian National University. Nur-Sultan. Kazakhstan. E-mail: sovetuk@rambler.ru; *Omurova Zhamiikat O.* — doctor of historical sciences, professor, head of the department of Regional studies and kyrgyz studies of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. Bishkek. E-mail: temir2006@mail.ru.

направленной на языковую ассимиляцию и подавление местной этнической культуры ⁶.

В целом, в научной литературе истории формирования российской модели начального школьного образования в Степном крае уделено значительное внимание. В зарубежной и отечественной историографии имеется целый ряд публикаций и отдельных монографий, связанных с анализом динамики процесса открытия инородческих школ в регионе, его нормативно-правовой базы, формирования системы административного управления школой — училищных округов и окружных училищных наблюдателей и педагогических кадров ⁷. В то же время историографический анализ позволят утверждать, что работ, посвященных истории создания и развития сети аульных школ, фактически нет. Данная статья представляет собой попытку восполнить историографический пробел.

Источниками для подготовки статьи выступили материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти, так или иначе связанных с развитием сети правительственных инородческих школ в Степном крае, — Министерства народного просвещения, МВД, Министерства финансов, оренбургского и западно-сибирского училищных наблюдателей, Степного генерал-губернатора, уездных начальников и военных губернаторов Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Среди данной группы источников — межведомственная переписка, отражающая дискуссию о целесообразности открытия аульных школ, реализацию планов органов власти в данном направлении, решение финансовых вопросов; донесения и отчеты региональных органов власти, позволяющие реконструировать спектр проблем, возникших в процессе создания сети аульных школ. Комплекс данных документов Российского государственного исторического архива выявлен авторами статьи и впервые вводится в научный оборот.

Как отмечалось выше, относительно активно открытие русско-казахских школ в областях Степного края началось в 80-е гг. XIX в. По наблюдению региональных чиновников, данный тип школ пользовался огромной популярностью среди местного населения. Она определялась возможностью получения образования казахскими детьми с правом бесплатного проживания в интернатах при школах. В русско-казахских школах также допускалось изучение Корана, что выступало дополнительным мотивом их привлекательности. Отмечалось также, что интерес к русско-казахским школам был связан с успешной интеграцией Степного края в общеимперское пространство. Российское образование открывало определенные перспективы для населения степи. В одном из отчетов Акмолинский военный губернатор подчеркивал, что русско-казахские школы приносили пользу детям, так как «... постоянно руководя ими и вне классных занятий, постепенно отучают их от свойственных казахским детям пороков и воспитывают в них хорошие навыки, привычки и взгляды». Через год обучения в волостной школе казахские дети начинали «порядочно говорить по-русски, достаточно умело и правильно читать и знать арифметику в объеме курса» ⁸.

Все это позволяло делать радужные заключения о дальнейших перспективах развития российской системы образования среди казахского населения. Военный губернатор Тургайской области Я. Ф. Барабаш в 1891 г.

на запрос Министерства народного просвещения отвечал: «Теперь уже не может быть сомнений в том, что русские школы могут получить самое широкое распространение в степи. Население охотно отдает в школы своих детей обоего пола, и столь же охотно по мере своих сил дает средства на содержание таких школ». Свое заключение администратор основывал на том, что расходы на народное образование, составившие в 1891 г. 49 651 руб., были полностью покрыты добровольными сборами казахских обществ⁹.

Тем не менее, региональные органы власти на рубеже 80—90-х гг. XIX в. были вынуждены признать, что «существующие школы не вполне удовлетворяли запросу казахского населения на русское образование». Поводов для таких рассуждений было несколько. Экономические расчеты показывали, что расходы на содержание одного ученика в русско-казахской школе составляли до 100 руб. в год. Становилось очевидным, что дальнейшее увеличение численности обучающихся в школах-интернатах будет превышать платежные способности казахского населения. По утвержденному в 1891 г. Степному положению расходы по земскому хозяйству, в том числе содержание школ, должны были покрываться сборами с казахского населения, в размере лишь 1,5 руб. с кибитки¹⁰. Покибиточный налог, составивший 1,5 руб., был введен в казахской степи еще в 1868 г. на основании Временного положения об управлении степными областями. С того времени, по мнению региональной администрации, благосостояние кочевников значительно улучшилось, что позволяло повысить сумму налога. Однако правительство не решалось пойти на увеличение покибиточного сбора, опасаясь вспышек недовольства. Необходимо было учитывать и тот факт, что казахи крайне неохотно платили земские сборы. В некоторые годы недоимки по ним составляли до 50% от предполагаемых поступлений.

Финансовая проблема исключала возможность открытия широкой сети русско-казахских школ с интернатами при них. Региональные власти пытались решать проблему, фактически ежегодно обращаясь в Министерство финансов и Министерство народного просвещения с ходатайством «об отпуске из казны» дополнительных средств на строительство новых школ с интернатами и на содержание уже функционировавших учебных заведений¹¹. Однако финансовые ресурсы государства были ограничены, и незначительные суммы от поступающих дотаций не могли разрешить сложившуюся ситуацию. Все это исключало возможность охватить российской системой начального школьного образования значительную часть казахских детей.

Однако эта задача являлась крайне актуальной для государства, поскольку создаваемая в Степном крае система российского начального школьного образования вступала в жесткую конкуренцию с традиционной мусульманской школой. На фоне роста в конце XIX в. исламофобских настроений у правящей элиты России, все более очевидным становился вектор религиозной политики государства, направленный на сдерживание исламизации казахского общества¹². Законодательные нормы, принятые в 80—90-е гг. XIX столетия, ставили под контроль региональной администрации деятельность мусульманского духовенства, процесс открытия и функционирования мечетей и медресе в казахской степи.

На практике же реализация правительственных мер, направленных на ужесточение контроля со стороны государства за мусульманской школой, оказалась трудно выполнимой. Центральной проблемой являлся учет общей численности мектебов и обучавшихся в них детей в областях Степного края, так как большинство таких школ перемещалось по степи вместе с кочевым аулом. Значительные усилия в данном направлении позволили установить, что, например, в Тургайской области в 1892 г.: в Новониколаевском уезде насчитывалось 85, в Тургайском — 78, Илецком уезде — 73 мусульманских школы. В Иргизском уезде этой же области, при неизвестном числе школ, обучавшихся числилось 659 человек. Государство смогло противопоставить развитой системе мусульманского образования в области 25 правительственных школ с числом учащихся 1287 человек¹³. В 1898 г. в Тургайской области из 392 образовательных учреждений, государственных русско-казахских школ разных типов насчитывалось 72, мусульманских — 320. В Уральской области к 1894 г. в 10 русско-казахских волостных школах обучалось всего 135 казахских детей¹⁴.

Учитывая данные обстоятельства, в 1892 г. попечитель Оренбургского училищного округа, в ведение которого входили образовательные учреждения Уральской и Тургайской областей Степного края, обратился с предложением в Министерство народного просвещения об открытии нового типа школы в данном регионе — аульной передвижной школы. Подобные школы планировалось открывать в аулах — низовой административно-территориальной единице Степного края. Казахские дети могли посещать школу только днем, возвращаясь после уроков домой. Таким образом, необходимость устройства интернатов отпадала, что удешевляло содержание таких образовательных учреждений. К тому же открытие сети аульных школ, по мнению чиновников, делало российское образование более доступным широкому кругу кочевого населения. Параллельно, в 1892 г., было предложено приступить к разработке новых правил для русско-казахской аульной школы¹⁵.

Предложение об открытии аульных школ поддержал военный губернатор Тургайской области Я.Ф. Барабаш, который считал, что «открытие аульных школ является единственной мерой к возможно большему распространению русского просвещения среди казахского населения и противодействию мусульманской пропаганде, сильно распространенной в области». Губернатор сделал распоряжение об отпуске суммы из областного бюджета на открытие первой такой школы в ауле № 4 Кинеральской волости. Он также обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о выделении кредита в размере 6 тыс. руб. на открытие и содержание «20 подобного типа школ, по пять на каждый уезд Тургайской области. И выделять данные средства до тех пор, пока казахи «не увидят пользу аульной школы»». Денежные средства на содержание 20 новых аульных школ Тургайской области в размере 6480 руб. были утверждены Государственным советом в апреле 1893 г.¹⁶

В том же году начался процесс открытия аульных школ. Так, в Николаевском уезде Тургайской области появилось пять аульных школ: Алакульская в ауле № 1 Убаганской волости (7 учащихся), Суморганская в ауле № 1 Кинбаральской волости (3 учащихся), Карандукульская в ауле № 5 Чубарской волости (14 учащихся), Тобольская в ауле № 8 Дамбар-

ской волости (26 учащихся) и в ауле № 6 той же волости (8 учащихся). В Илецком уезде Тургайской области аульные школы начали функционировать в ауле № 2 Актюбинской волости (12 учащихся), в ауле № 4 Уйсылкаринской волости (10 учащихся), в ауле № 4 Буртинской волости (95 учащихся), в ауле № 6 Тереклинской волости (5 учащихся), в ауле № 1 Аралтюбинской волости (20 учащихся) ¹⁷.

Казахское население отнеслось к аульной школе «сочувственно». Имели место случаи, когда «влиятельные представители казахского населения желали учредить школы в своем ауле, предоставив свои дома». Школы открывались в домах/юртах казахов, занимавших административные должности в системе местного самоуправления. Заявления об их открытии поступали в областные администрации в значительном количестве. Например, только в Тургайской области от аульных обществ в 1892—1893 гг. поступило 72 ходатайства об открытии аульных школ ¹⁸.

В 1896 г. МВД утвердило положение, согласно которому на должности волостных правителей в органы местного самоуправления могли быть назначены кандидаты, окончившие русско-киргизскую аульную школу или другое государственное образовательное учреждение. Результаты данной меры превзошли все ожидания. В областные администрации стали массово поступать прошения об открытии новых школ со стороны зажиточных казахов с заявлениями о готовности предоставлять безвозмездно помещения для школ и производить ежегодные взносы на их содержание ¹⁹.

В 1901 г. были утверждены основные условия и принципы функционирования школ грамоты. «Правила для аульных русско-киргизских школ Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей» предполагали, что содержаться аульные школы будут исключительно за счет средств аульных обществ. Параграфом 6 предусматривалось, что они же будут предоставлять/оплачивать помещение для школы и квартиру учителю, а также его зарплату. Таким образом, государство снимало с себя обязанности по финансированию данного типа школ. Учителя в школу назначал инспектор народных училищ, «сообразно размерам установленного обществом содержания, из окончивших курс учительской семинарии, если размер годового жалования установлен обществом не менее 240—300 руб.» Срок обучения в школе грамоты не фиксировался, образовательный процесс мог осуществляться круглый год, «если имелись желающие учиться». Школа в зимнее время должна была располагаться в землянке, во время кочевков в летний период — в кибитке/юрте. Учитель обязывался перекочевывать вместе со школой. Годичные испытания проводились в аульных школах грамоты в сроки, назначенные инспектором училищ ²⁰.

В связи с расширением сети начальных образовательных учреждений в Степном крае, администрации Оренбургского и Западно-Сибирского училищных округов добились от Министерства народного просвещения введения в начале XX в. в округах дополнительных должностей инспекторов народных училищ. Данная мера была необходимой для установления контроля за детальностью аульных школ.

С утверждением «Правил для аульных русско-киргизских школ Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей» про-

цесс открытия новых подобных школ значительно замедлился. По статистическим данным, к 1910 г. из 78 министерских школ, работавших «для образовательных нужд казахского населения Уральской области», 10 являлись двухклассными волостными школами, 49 — одноклассными волостными школами и только 19 — аульными. На 100 чел. казахского населения области приходилось 0,43 обучавшихся в школах, тогда как число детей школьного возраста достигало 9%. Из 59 волостных школ 31 располагала интернатом для содержания учащихся из отдаленных аулов²¹.

Аналогичная ситуация имела место в других областях Степного края. Волостная русско-казахская школа с интернатом продолжала оставаться основным и самым популярным учебным заведением для казахского населения. Таким образом, аульная школа грамоты не смогла решить проблему расширения охвата казахских детей системой российского школьного образования.

Причин сложившейся ситуации было несколько. Прежде всего, финансовая составляющая. Как отмечалось выше, первоначально школы грамоты открывались при финансовой поддержке государства. С введением в действие Правил 1901 г., денежные расходы на содержание аульной школы были возложены на казахские общества. В результате, например, в Тургайской области, к началу XX в. расходы на образование достигли 40% всего земского сбора. Министерство финансов предложило, в связи с этим, не допускать в последующие годы увеличения ассигнования на эти цели из земских средств. Таким образом, рассчитывать на рост численности аульных школ за счет региональных бюджетов не приходилось. Предлагалось увеличивать государственные субсидии, но продвигались такие решения крайне медленно²².

И это было связано не с нежеланием финансировать школьное строительство в казахских аулах, а с тем, что «с течением времени назначение школ грамоты стало изменяться». В марте 1870 г. были приняты Правила, регламентирующие процесс открытия и функционирования мусульманской школы в Российской империи. Согласно Правилам, медресе и мектебы могли быть открыты только в том случае, если при них будет учрежден русский класс. Учредители аульных школ грамоты — казахи — «стали пользоваться правом открытия школ грамоты с той целью, чтобы получить право открытия медресе с присоединением к ним школ грамоты в качестве названных русских классов». Таким образом, по сути, происходила подмена правительственной школы мусульманской конфессиональной²³.

Открывая школы грамоты, казахи лишь формально соблюдали условия, необходимые для их учреждения: «... мало заботились о постановке в них учебного дела и доводили свои расходы на их содержание до минимума, помещали их в тесных, темных и грязных землянках, годных разве что для жилья самого непритязательного казаха; ограничивали ежегодное содержание школы 80—120 руб., с назначением жалования учителю не более 5 руб. в месяц. (где конец цитаты?) В результате неизбежными стали отказ учителей занимать должность и, как следствие, заявления в оренбургскую училищную инспекцию от казахов о нежелании содержать школы грамоты на свои средства. При этом мектебы, под

видом аульной школы, продолжали функционировать. В одном из отчетов военный губернатор Тургайской области в 1910 г. подчеркивал: «Аульные школы или школы грамоты, открытые при некоторых медресе и мектебы, благодаря враждебности мулл к русской школе и скудности обстановки, ничтожной программы и слабого состава учителей, получавших 5—10 рублей в месяц жалования, влечат жалкое существование и имеют ничтожное число учащихся»²⁴.

Еще одна проблема, с которой столкнулись при создании аульных школ в казахской степи, — это нехватка кадров. Учительский персонал даже в волостных школах нельзя было назвать удовлетворительным. Еще сложнее было найти учителей для аульной школы, готовых перемещаться вместе с аулом во время сезонных перекочевков. В связи с этим региональные чиновники отмечали: «При крайне тяжелых условиях жизни в степи выбор настолько ограничен, что заполнить все школы достойными кандидатами едва ли когда-нибудь удастся без увеличения им содержания, в особенности учителям, получившим специальное педагогическое образование, которые всегда найдут место внутри империи с лучшими условиями жизни»²⁵.

Важным аспектом сокращения популярности аульных школ грамоты стала реализация аграрной реформы Столыпина. Как известно, реформа вызвала массовую миграцию русских крестьян-переселенцев в первое десятилетие XX в. в азиатскую часть России, в том числе в Степной край. Переселение сопровождалось экспроприацией значительных по площади пастбищных угодий у казахского населения с целью землеустройства русских крестьян. В новых экономических реалиях казахи массово переходили на оседлый образ жизни, начинали заниматься интенсивным животноводством, связанным с заготовкой кормов на зиму, и земледелием. Необходимость в открытии передвижных аульных школ сохранилась лишь в тех районах Степного края, где переход на оседлость был невозможен в силу природно-климатических условий.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что с 1910-х гг. началось закрытие аульных школ грамоты. В волостях со значительным процентом осевших казахов-кочевников они стали преобразовываться в одноклассные русско-казахские училища, в которых устанавливался 4-летний курс обучения. На содержание данного типа школ запрашивалось из казны по 700 руб. в год, учительские вакансии, по возможности, замещались лицами с соответствующей педагогической подготовкой, школы обеспечивались учебной литературой, улучшалась их материально-техническая оснащенность.

Отказ от политики открытия аульных школ грамоты в Степном крае привел к тому, что одноклассные русско-казахские школы-интернаты с 4-годичным сроком обучения вновь стали основным типом учебных заведений для казахского населения. Такие школы отличались дороговизной содержания, поэтому правительство, начиная с 1910-х гг., пошло по пути «перехода к распространению одноклассных школ без интернатов с четырехлетним курсом»²⁶.

Таким образом, в 70—80-е гг. XIX в. в Степном крае шел активный процесс формирования российской системы начального школьного образования. Наиболее распространенным типом образовательного учрежде-

ния стала волостная русско-казахская школа с интернатом для проживания казахских детей. Однако она ограничивала возможность включения в процесс обучения значительной части казахского населения школьного возраста. Поэтому в начале 1890-х гг. региональные власти Степного края инициировали процесс создания нового типа образовательного учреждения для казахских детей — передвижной аульной школы грамоты. Аульная школа была призвана уменьшить объемы государственного финансирования начального школьного образования, сделать его более доступным для казахского общества и сократить влияние традиционной мусульманской школы в Степи. Открытие аульных школ встретило поддержку со стороны казахского населения, поскольку большинство школ финансировалось государством. Однако Правила об аульных школах грамоты, утвержденные в 1901 г., переложили обязанности по их содержанию на казахское общество. С этого периода процесс их открытия значительно замедлился. В первом десятилетии XX в., в связи с массовым переходом казахов на оседлый образ жизни, власти были вынуждены отказаться от практики открытия аульных школ.

Примечания

Исследование выполнено в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности».

1. СТУРОВА М.В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. — Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16), с. 88—98; ЛЫСЕНКО Ю.А., РЫГАЛОВА М.В., ЕГОРЕНКОВА Е.Н. Русский язык как механизм интеграции Степного генерал-губернаторства России в общеимперское пространство (вторая половина XIX — начало XX в.). — Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52), с. 154—163.
2. Иногородские и иноверческие училища: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справ. сведений об учащихся СПб. 1903, с. 14.
3. Министерские училища: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций. СПб. 1903.
4. История Казахстана: В 5 т. Т. 3. / Отв. ред. М.К. Козыбаев. Алматы. 2001, с. 523—524.
5. ВАСИЛЬЕВ Д.В. Административная аккультурация: Опыт региональной политики Российской империи в Центральной Азии XVIII—XIX вв. Оренбург. 2018; КАППЕЛЕР А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи. / Пер. с нем. Н. Лопатиной. В кн.: Россия — Украина: История взаимоотношений. М. 1997, с. 125—144; ЛЫСЕНКО Ю.А., АНИСИМОВА И.В., ТАРАСОВА Е.В., СТУРОВА М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: Концептуальные основы и механизмы реализации (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул. 2014; ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: Исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург. 2018; ЕГО ЖЕ. Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации. — Вопросы истории. 2018. № 5, с. 125—136.
6. ГАФАРОВ А.А., ГАФАРОВ А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман российской империи. — Вестник Казахстанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 7, с. 296—303; ДЗАЛАЕВА К.Р. Русификация Северного Кавказа в контексте интеграционной политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. — Известия СОИГСИ. 2019. № 33, с. 38—50.
7. БУРДИНА Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «иногородского» образования в начале XX века. — Вопросы образования. 2007. № 3, с. 278—287; ГОЛИ-

КОВА О. А. Управление начальными школами Акмолинской и Семипалатинской областей (1885—1918 гг.). — Вестник НГУ. Серия История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1, с. 116—120; СТУРОВА М. В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50-е — 80-е гг. XIX в.). — Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, политология». 2013. № 4/2, с. 198—202; СТУРОВА М. В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. — Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16), с. 88—98.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 180, д. 258, л. 4.
9. Там же, оп. 172, д. 246, л. 10.
10. Там же, л. 10об.
11. Там же, л. 125.
12. ЛЫСЕНКО Ю. А. Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40—80-е гг. XIX в.). — Народы и религии Евразии. Т. 20. № 3 (2019), с. 128—138.
13. РГИА, ф. 733, оп. 172, д. 246, л. 12.
14. Там же, оп. 180, д. 258, л. 4об.
15. Там же, оп. 172, д. 246, л. 2об. —3.
16. Там же, л. 4.
17. Там же, л. 45.
18. Там же, л. 12.
19. Там же, л. 234.
20. Там же, л. 237—237об.
21. Там же, оп. 180, д. 258, л. 4.
22. Там же, л. 21.
23. Там же, л. 21об.
24. Там же, л. 24.
25. Там же, л. 23об.
26. Там же, л. 2—2об.